

Въ чужой странѣ ¹⁾.

Частенько, заинтересованный смысломъ той, или другой картины, я обращался за разъясненіями къ Чанъ-фу, думая, что этотъ „знатокъ китайскаго быта“ разъяснить мнѣ мое недоумѣніе. Но „знатокъ“ оказывался не на должной высотѣ своего назначенія. Онъ прежде всего начиналъ смотрѣть на меня не то съ удивленіемъ, не то съ насмѣшкой, и выраженіе его лица ясно говорило: — вотъ, молъ, чудакъ и нашель о чемъ спрашивать, и послѣ этого онъ обыкновенно отвѣчалъ: „моя не знай, барыня; — другой люди можетъ знай. — Твоя скажи; моя не знай“, а когда я къ нему приставалъ уже со своими вопросами, то онъ обращался къ кому-либо изъ постороннихъ и вступалъ съ ними въ переговоры, при чемъ я замѣчалъ, что посторонній давалъ всегда свои объясненія съ серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ самодовольнымъ лицомъ: — Знай, молъ, нашихъ: — какія у насъ картины-то рисуютъ; — не чета поди-ка вашимъ! — И онъ старался, видимо, объяснить содержаніе картины моему Чанъ-фу, — водилъ по ней пальцемъ, — тыкая имъ и въ сонливыя лица женщинъ (бабушекъ), и въ самодовольныя лица стариковъ, и въ поставленныя въ „академическія позы“ молодыхъ людей. Ну ужъ теперь-то Чанъ-фу объяснить, думалъ я, слушая и наблюдая за объясненіемъ посторонняго человека. — Ну что? спрашивалъ я его, приготавливаясь слушать. — Но не тутъ-то было: — ничего я отъ него не узнавалъ и всегда онъ говорилъ только: „О, барыня! — это наша, малъ-мало, театръ играй“. Да что же „театръ играй“! — Ты мнѣ толкомъ-то Расскажи, — допытывался я, начиная уже злиться. „Театръ играй“;

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1914 г.

вотъ другой человѣкъ скажи театръ играй;—моя почему знай"! И послѣ этого онъ становился нѣмъ, складывалъ свои губы въ ниточку, а я ругалъ его мысленно дуракомъ, и тѣмъ кончались наши переговоры.

Помню изъ всѣхъ видѣнныхъ мною картинъ,—меня въ особенности поразила одна, такъ какъ сюжетъ этой картины былъ таковъ, что, глядя на нее, невольно я задавался вопросомъ: Неужели художникъ изобразилъ „Св. Благовѣствованіе“. Пресвятая Дѣва и явившійся къ ней Ангелъ съ цвѣткомъ хризантемы—все это было здѣсь, но, конечно, типы и костюмы были китайскіе. Какъ я жалѣлъ, что Чанъ-фу и про эту картину дальше: „малъ-мало театръ играй“ не пошелъ въ своихъ объясненіяхъ.

При каждомъ постояломъ дворѣ непременно имѣется свой поваръ, на обязанности котораго лежитъ удовлетвореніе гастрономическихъ потребностей посѣтителей. Повара обыкновенно—очень расторопные ребята и всегда повидимому относятся къ исполненію своихъ обязанностей съ большой охотой и усердіемъ, несмотря на то, что дѣла у нихъ, какъ говорится:—хоть отбавляй.—Иной разъ на постоялый дворъ ввалится человѣкъ 50 разныхъ извозчиковъ, погонщиковъ, гуртовщиковъ и прочаго рабскаго и голоднаго, послѣ трудовъ праведныхъ, люда. Надо ихъ всѣхъ накормить;—надо и посуду приготовить и вымыть ее; наконецъ и самое кушанье изготовить по желанію cadaго посѣтителя, и все это дѣлаетъ одинъ поваръ, вертась какъ бѣлка въ колесѣ и не теряя, несмотря на это, своего веселаго вида. Положительно всѣ встрѣчаемые нами на постоялыхъ дворахъ повара поражали меня тою любовью, съ которой они относились къ своимъ обязанностямъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что китайцы, возводя їду въ своего рода культъ, относятся съ извѣстнымъ уваженіемъ и къ служителямъ этого культа, и эти послѣдніе, цѣня это уваженіе, съ такой охотой и любовью приносятъ себя въ жертву. Что касается до вопросовъ питанія, то къ таковымъ китайцы дѣйствительно относятся съ нескрываемымъ уваженіемъ и выдвигаютъ эти вопросы повидимому чуть ли не на первый планъ. При встрѣчѣ, вмѣсто нашего: „какъ ваше здоровье“ или „какъ вы поживаете“, китаецъ спроситъ: „обѣдали ли вы сегодня“, зная, что если человѣкъ имѣлъ возможность пообѣдать, то слѣдовательно онъ долженъ быть и здоровъ и счастливъ.

Самымъ обыденнымъ кушаньемъ китаецъ - простолюдина является каша изъ чоумицзы и къ ней что-нибудь горячее—

въ родѣ нашихъ капустныхъ суповъ. Эти кушанья всегда имѣются уже въ готовомъ видѣ, при чемъ въ одномъ котлѣ упрѣвается разсыпчатая и желтоватая чоумица и въ другомъ супъ. Повару, слѣдовательно, остается только наливать эти кушанья и подавать ихъ посѣтителямъ. Но нѣкоторые изъ нихъ не желаютъ довольствоваться этими скромными и простыми блюдами и предъявляютъ свои требованія на что-нибудь повкуснѣе:—одинъ, положимъ, заказываетъ себѣ лапшу, другой—пельмени,—третій проситъ поджарить маленькіе кусочки свинины съ капустой, четвертый—еще что-нибудь заказываетъ, и т. д., и вотъ тутъ-то начинается работа. Приготавливается и лапша, лѣплятся пельмени и жарится мясо.—Поваръ, обливаясь потомъ, работаетъ неустанно и въ то же время обмѣнивается еще иногда веселыми шуточками съ посѣтителями, смѣясь самъ и заставляя и ихъ смѣяться тоже. Все поспѣваетъ у него съ замѣчательной быстротой и проворствомъ.

За всю дорогу намъ приходилось питаться исключительно китайскойстряпней, мы ѣли всегда лапшу, иногда пельмени,—пробовали и мясо въ капустѣ и все это ѣли съ большимъ аппетитомъ,—все казалось намъ вкуснымъ. Единственное блюдо, которое мнѣ не понравилось и которое также пользуется почетомъ у простонародія—это такъ называемый „Тоу-фанъ“. Приготавливается онъ, кажется, изъ бобовой муки, при чемъ изъ тѣста рѣжутся ромбообразныя фигурки, которыя и варятся въ водѣ.—Тоу-фанъ прѣсенъ и въ общемъ безвкусенъ, такъ что мы всѣ не понимали, какъ можно его ѣсть съ такимъ аппетитомъ,—но, вспомнивъ истину относительно разныхъ вкусовъ, успокаивались. Единственно въ чемъ ощущался недостатокъ—это въ хлѣбѣ, такъ какъ китайцы не имѣютъ обыкновенія печь хлѣбъ и они скорѣе варятъ его, для чего изъ пшеничнаго тѣста дѣлаются небольшія кругленькія или продолговатыя булочки (кіандзы, или ман-тоу), затѣмъ ихъ кладутъ на рѣшето и держатъ таковыя подъ паромъ кипящей въ котлѣ воды. Тѣсто приготавливается безъ соли и безъ всякой закваски, отчего оно совершенно прѣсно и безвкусно и въ общемъ скорѣе напоминаетъ какую-нибудь резину, чѣмъ хлѣбъ. Казаки обыкновенно клали такія булочки въ горячую золу и тогда корка пропекалась,—середина же оставалась по-прежнему резиноподобной.

Обыкновенно наше появленіе на постояломъ дворѣ производило въ своемъ родѣ сенсацію между его обитателями, и всѣ они стремились за „полярный кругъ“, дабы посмотрѣть на заморскихъ людей (въ описываемое время появленіе русскихъ

офицеровъ, а тѣмъ болѣе въ присвоенной имъ формѣ одежды, было большою рѣдкостью въ предѣлахъ Маньчжуріи, теперь, конечно, китайцы къ этому привыкли). Мы располагались на нарахъ—всѣ въ повалку, заказывали себѣ чего-нибудь поѣсть и въ ожиданіи, пока пища будетъ готова, каждый изъ насъ припирался за какое-нибудь дѣло: казаки чинили аммуницію,—одежду, протирали и чистили оружіе и т. п. Я доставалъ свои книги, зажигалъ свѣчу, предполагая приступить къ процессу чтенія—но этого большею частію не удавалось. Вокругъ насъ плотнымъ кольцомъ уже стояла толпа, и слышно было, какъ входная дверь то и дѣло отворялась, скрипя своимъ блокомъ и впуская все новыхъ и новыхъ любопытныхъ, которымъ очевидно уже кто-нибудь успѣвалъ сообщить о нашемъ приѣздѣ. Всѣ эти люди сначала почти безмолвно смотрѣли на насъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ;—слышались только тяжелые вздохи, покашливанія,—да иной разъ кто-нибудь передаетъ въ полголоса свои впечатлѣнія товарищу. Конечно, при условіи нахождения подъ „разстрѣломъ“ сотни глазъ, читать невозможно, и я начиналъ въ свою очередь посматривать на этихъ людей и замѣчалъ, что многіе изъ нихъ смотрятъ какъ-то напряженно и съ выраженіемъ даже какого-то страха, смѣшаннаго съ недоумѣніемъ и ожиданіемъ. По всѣмъ этимъ взглядамъ дѣйствительно можно было придти къ заключенію, что эти люди принимаютъ насъ какъ бы за выходцевъ изъ иного, невѣдомаго для нихъ міра, къ каковому они относятся и съ любопытствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ со страхомъ,—какъ, вѣроятно, относятся спириты къ появившейся передъ ними материализованной фигурѣ.—Чего бѣльма пучать?—говоритъ какой-нибудь казакъ.—Ну и народъ:—Людей, однако, не видали.—Кавалистъ не рѣдко при этомъ кроилъ уморительныя рожи и этимъ приводилъ толпу въ еще большее смущеніе,—она не знала, какъ къ этому слѣдуетъ отнестись, не сдѣлаетъ ли, молъ, этотъ человѣкъ какой-нибудь вредъ, или же онъ просто добродушно смѣется. Кавалистъ не смущаясь продолжалъ выкраивать рожи изъ своего подвижнаго лица, и тогда толпа начинала уже понимать, что этотъ человѣкъ только добродушно шутитъ, и сама начинала добродушно посмѣиваться. Шанго, шанго, говорили эти люди;—шанго!-сянь-хау-ла! (хорошо! мы друзья—братья).

— То-то—шанго, говорилъ Кавалистъ, а то ишь въ одно мѣсто сгрудились, нѣтъ тебѣ ни ходу, ни выходу—и стоятъ, да какъ совы смотрятъ.—Русскій человѣкъ всегда, братъ, шанго, гово-

рилъ онъ, хлопая по плечу какого-нибудь парня, — который испуганно бросается въ толпу, стараясь въ ней спрятаться.

Слышится общій смѣхъ.

-- Эхъ ты, парень, — я къ нему, однако, съ лаской, а онъ и труса задалъ — говорилъ Кавалистъ.

Снова одобрителный смѣхъ.

И такъ, мало-по-малу, завязывается общеніе. Нѣкоторые подходятъ къ Чанъ-фу и, многозначительно указывая на меня глазами, что-то спрашиваютъ въ полголоса. Чанъ-фу принимаетъ на себя важный и оффиціальнй видъ и отвѣчаетъ: „Санжъ-у“. Это значитъ — спрашивали о томъ — сколько мнѣ лѣтъ и онъ отвѣтилъ, думаю я, — затѣмъ слышится еще какой-то вопросъ, и Чанъ-фу по-прежнему съ важнымъ видомъ говорить: „Сюнъ-фу“. — Это значитъ — спрашивали — какой у меня чинъ, и онъ снова удовлетворилъ любопытство вопрошающаго. Послѣ этого слышится неоднократно это Санжъ-у и Сюнъ-фу, потому что каждый подходящій считаетъ почему-то первымъ долгомъ спросить о моихъ лѣтахъ и о чиновности. — Затѣмъ чаще всего при такихъ разговорахъ повторялось, слово „Уолось“, это уже относилось до народности, и толпа слѣдовательно любопытствовала о нашей національности. — Повторялись также очень нерѣдко, слова: Индза, тѣнъ, іенъ, то-фа ей-до, мэй-мо, янъ-дипъ, пиза, -хуза и т. д. словомъ, выраженія, показывающія, что спрашивающіе любопытствовали о томъ, сколько я получаю денегъ, и дѣлали подробный разборъ и оцѣнку моей внѣшности: — волосъ, усовъ, носа, глазъ и т. д. Чанъ-фу, съ видомъ знатока, читалъ этимъ людямъ цѣлыя лекціи, и они слушали съ вниманіемъ, покачивая въ знакъ согласія головами и выражая свое удивленіе словами: шанго шанго-уля, а то и просто издавали звукъ похожій на це, це, це.

Такъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Чанъ-фу разыгрывалъ передъ этими людьми роль директора какого-нибудь звѣринца, выставленнаго на показъ „почтеннѣйшей публики“. И надо правду сказать, что „директоръ“ старался выставить передъ зрителями своихъ „звѣрей“ не какъ зловредныхъ хищниковъ, которыхъ надо бояться, потому что они кусаются, а какъ такихъ, къ которымъ можно смѣло подходить, не рискуя быть укушеннымъ, и дѣйствительно онъ достигалъ этого вполнѣ. Толпа начинала держать себя не съ прежнимъ принужденіемъ; разговоры дѣлались громче; чаще и чаще на лицахъ появлялись пріятныя и радостныя улыбки. — Находились, наконецъ, такіе смѣльчаки, которые рѣшались подойти поближе, и тутъ прежде

всего они разсматривали подробно наши одежды, пробуя руками драпъ и сукно на пальто, щупая каждую пуговицу, разсматривали погоны, шашки и пр. Сдѣлавъ такимъ образомъ самый подробный „инспекторскій смотръ“ нашей внѣшности, они начинали осматривать кое какія вещи, и здѣсь ихъ вниманіе прежде всего приковывалось зажженной стеариновой свѣчей, къ которой они всегда относились почему-то съ чувствомъ глубокаго уваженія и изумленія: имъ вѣроятно казалось страннымъ и необъяснимымъ, какъ это можетъ существовать на свѣтѣ такая свѣча, которая даетъ такъ много свѣта, что ихъ убогія сальныя конусообразныя свѣчи и масляныя свѣтильники конкуррировать съ этимъ хитрымъ заморскимъ изобрѣтеніемъ никакъ не могутъ.—Свѣча ходила по рукамъ, ее осматривали; ощупывали и чуть ли даже не облизывали и потомъ съ благодарностью возвращали ее мнѣ, выражая свой восторгъ и удивленіе.—Интересовали ихъ и книги, и я, видя, что кто-нибудь намѣревается поближе познакомиться съ тѣмъ—какія бываютъ у заморскихъ людей книги, бралъ таковую и начиналъ показывать толпѣ. У меня было съ собою полное сочиненіе одного изъ нашихъ великихъ писателей съ его портретомъ. Я показывалъ имъ этотъ портретъ и старался объяснить, что вотъ этотъ человѣкъ написалъ всѣ эти книги. Смотрящіе удивлялись, покачивая головами, и буквально вперяли свои глаза въ портретъ,—тѣснясь и смотря другъ другу черезъ плечи, причемъ всѣхъ почему-то поражала борода и усы на лицѣ писателя. Всегда въ толпѣ находилось много грамотныхъ, такъ какъ грамотность въ Китаѣ вообще между народомъ имѣетъ повидимому большее распространеніе, нежели у насъ. Я просилъ кого-нибудь изъ грамотныхъ взять листъ бумаги и изобразить мнѣ на немъ нѣсколько словъ съ помощью іероглифовъ.—На это всегда охотно соглашались, и каждый наперерывъ старался щегольнуть своими знаніями. Появлялись сейчасъ же на сцену тушь и кисти, и взявшійся писать садился на нары и начиналъ выводить замысловатые іероглифы, читалъ ихъ, а Чанъ-фу переводилъ прочитанное слово на русскій языкъ. Я писалъ подъ іероглифами ихъ значеніе по-русски, и удивленіе толпы доходило до предѣла по поводу того—какъ это, молъ, можно написать цѣлое слово съ такой быстротой и не отрывая руки отъ бумаги. Писалъ я имъ и цѣлыя фразы и заставлялъ Чанъ-фу переводить эти фразы на китайскій языкъ, и толпа просто повидимому не вѣрила—какъ можно такъ скоро писать. Листокъ съ написаннымъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и

удивленію этихъ людей не было конца. Эти добрые люди, мало-по-малу, совершенно съ нами осваивались, подходили къ казакамъ,—разсматривали ихъ винтовки, ихъ папахи и по поводу всего выражала свой восторгъ и удивленіе. Да и какъ же было имъ не удивляться—вѣдь большинство изъ нихъ ничего не видѣли и дальше своей деревни нигдѣ не бывали, а потому и слѣдовало всегда быть снисходительнымъ къ нимъ и прощать имъ ихъ дѣтское и подъ часъ и надоедливое любопытство. Все бы это было хорошо и всегда вечеръ, такъ мирно начинаемый,—такъ бы мирно и кончился, но все дѣло портилъ строгій китайскій унтеръ. Ему, очевидно, было непріятно, что толпа относится къ намъ съ такимъ сочувствіемъ, и онъ своими рѣчами начиналъ смущать этихъ, готовыхъ повѣрить рѣшительно всякому вздору, людей, и многіе изъ нихъ расходились по своимъ угламъ и домамъ уже какъ бы разочарованными въ своей чрезмѣрной, какъ имъ могло казаться, къ намъ довѣрчивости. Было очень непріятно, когда иной разъ приходилось остановиться на ночлегъ вмѣстѣ съ различными командами солдатъ, которые по случаю ли войны, или ужъ такъ—по заведенному порядку шли командами изъ Нинчуты въ Хунчунъ, или въ Гиринъ.—Вотъ тутъ уже приходилось держать ухо остро и дѣлать видъ человѣка, относящагося совершенно индифферентно ко всему, что только ни говорятъ,—а говорилось очень много непріятнаго—по нашему адресу, какъ объ этомъ и сообщалъ мнѣ всегда шопотомъ мой Чанъ-фу. Я просилъ его передать этимъ людямъ, чтобы они не говорили разнаго вздора и не вѣрили бы тому, что русскіе помогаютъ японцамъ, и Чанъ-фу, передавая все это, въ концѣ концовъ обращаясь ко мнѣ, говорилъ: люди шибко худой-же сміеть моя (все надо мною смѣются), зачѣмъ моя русски ходи—говолы моя чики, чики надо;—моя не знай что дѣлай (зачѣмъ я служу русскимъ—говорять, что мнѣ надо голову отрубить—я не знаю, что мнѣ и дѣлать).

И такъ мы продолжали нашъ путь. Сдѣлавъ небольшой привалъ на постояломъ дворѣ, одиноко пріютившемся среди безжизненнаго и мрачнаго ущелья, мы поѣхали дальше. Дорога дѣлалась все болѣе и болѣе каменистой, ущелье суживалось и горы становились все выше и мрачнѣе. Вотъ высится лѣвѣе дороги громадная пирамидальная и скалистая гора, вершина которой покрыта уже бѣлой шапкой, а за ней видны и другія вершины и на нихъ залегъ уже холодный снѣжный покровъ и пролежалъ такъ до самой весны. Дорога мало по малу поднимается въ гору. А вотъ впереди виднѣется горный кражъ,

который и преграждаетъ намъ путь. Это переваль Цень-линь. Дорога крутыми зигзагами взбирается на его вершину и тамъ она прорѣзана уже въ скалѣ въ видѣ глубокой и широкой траншеи. Тутъ съ нами встрѣтился обозъ изъ нѣсколькихъ арбъ, нагруженныхъ бобовыми жмыхами. Арбы жалобно скрипѣли; погонщики хлопали своими длинными бичами и понукали своихъ лошадокъ, съ подстриженными гривами, издавая при этомъ звукъ на подобіе i-o! i-o! Китайцы обыкновенно запрягаютъ въ свои арбы не менѣе 6 лошадей, при чемъ одну, самую сильную,—они ставятъ въ корень—въ оглобли, а остальныхъ пристегиваютъ тройками, или парами на выносъ. Китайская арба, по своему устройству, напоминаетъ турецкую: тѣ же два массивныхъ колеса, та же деревянная и плохо смазанная ось,—тотъ же жалобный и однообразный скрипъ и пискъ, оглашающій окрестности, по поводу котораго кавказскіе обыватели говорятъ, что онъ оглашаетъ воздухъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что по дорогѣ ѣдетъ честный человѣкъ. Арбы завывали, погонщики кричали, бичи хлопали и вообще на вершинѣ перевала была суматоха, которую человѣкъ всегда и всюду вноситъ своимъ появленіемъ. Въ этой суматохѣ — движеніе, а въ движеніи—жизнь. А наверху было чистое голубое небо,—безмолвное, тихое, спокойное, но вѣчно живущее и вѣчно чарующее небо. Тамъ, въ этомъ небѣ,—также было движеніе, но болѣе величественное, въ сравненіи съ человѣческой сутолокой и суетой. Тамъ въ вышинѣ казалось все было свято и чисто. Чудная панорама горъ вырисовывалась впереди, и эти горы громоздились другъ надъ другомъ,—тѣснили другъ-друга, какъ бы ведя вѣчную борьбу изъ-за обладанія мѣстомъ. Казалось, что онѣ такъ загромоздили собою землю, что между ними и не пройти такой несчастной мошкѣ, какъ человѣкъ, но эта несчастная мошка, какъ извѣстно, всегда и всюду найдетъ себѣ лазейку, всюду пройдетъ и проберется, такая она уже, видно, настойчивая въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что становится у нея на пути. Надъ самыми дальними горами повисла тяжелая и мрачная туча, и казалось, что она думала:—идти ей дальше, или остаться отдыхать на этомъ мѣстѣ. Позади картина также была хороша. Пройденное нами ущелье извивалось мрачной бездной,—а дальше виднѣлась громадная и ровная, какъ столъ, Хунчунская равнина и на самомъ горизонтѣ — далеко-далеко видна была прозрачная, нѣжно-фіолетовая дымка. Тамъ вѣроятно былъ Хунчунъ. За этой дымкой — еще дальше высились горы и это были уже наши родныя горы. Вонъ за

той горой,—наше урочище Новокиевское, а вотъ у подошвы этой большой горы пріютилась штабъ-квартира нашей пограничной сотни;—тамъ мы были недавно, и тогда эти горы не казались намъ такими синими,—такими прекрасными. Теперь всѣ мы, остановившись на вершинѣ перевала, чтобы перевести духъ, смотрѣли больше туда—назадъ—на родную сторону, и всѣ смотрѣли какъ-то грустно и сосредоточенно, какъ смотреть человѣкъ, расставаясь съ тѣмъ, что ему дорого, и не будучи вполне убѣжденъ въ томъ, что онъ снова вернется къ этому дорогому. Каждый изъ насъ, я увѣренъ въ этомъ, въ душѣ помолился о томъ, чтобы Богъ сохранилъ бы его отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій и помогъ бы цѣлымъ и невредимымъ вернуться на родную землю.

Ну, братцы,—впередъ!

Мы снова трогаемся въ путь, ведя своихъ лошадей въ поводу, потому что сейчасъ уже начинается крутой спускъ. Китайскіе солдаты продолжаютъ сидѣть. Имъ должно быть не жаль своихъ маленькихъ лошадей, которыхъ они не считали нужнымъ облегчить ни на подъемѣ, ни на спускѣ. Спускъ короче подъема, и вотъ мы уже снова у подножія перевала и, сѣвъ на лошадей, тянемся по каменистому и довольно широкому ущелью. Жаркой затягиваетъ своимъ высокимъ теноромъ какую-то грустную мелодію. Сначала онъ поетъ въ полголоса, но, мало-по-малу, голосъ его крѣпнетъ;—онъ начинаетъ увлекаться и воодушевляться, и грустная мелодія переходитъ въ разухабистый и залихватскій мотивъ. Китайцы слушаютъ, но повидимому остаются совершенно индифферентны къ пѣнію, не понимая въ немъ конечно той сути, которая не всѣмъ и каждому понятна одинаково.

Ущелье извивается между каменными склонами горъ, и дорога постепенно спускается все ниже и ниже. По сторонамъ встрѣчаются рѣдкія и совершенно одинокія фанзы и не видно около нихъ ничего, кромѣ голыхъ камней. Ихъ обитатели не занимаются видимо земледѣліемъ, да и негдѣ имъ заниматься, потому что на камняхъ пахать невозможно. И эти фанзы смотрятъ мрачно и бѣдно;—должно быть, ихъ обитателямъ не очень-то легко живется на бѣломъ свѣтѣ.

На протяженіи около 12 верстъ дорога тянется по такому ущелью, и вотъ мало-по-малу начинаетъ появляться растительность: сначала видны какіе-то кустики, а потомъ начинаютъ попадаться и небольшія деревья. Вскорѣ дорога входитъ въ рѣдкій небольшой лѣсъ. Слышно бурленіе какой-то рѣчки,

воды которой не скованы еще льдомъ. Темнѣетъ. А вотъ и самая рѣчка;—она довольно широка, но повидимому мелка. Мы переходимъ ее въ бродъ и въѣзжаемъ въ деревню, расположенную на ея берегу. Это Мацзянъ,—первая деревня отъ Хунчуна. Здѣсь мы должны ночевать. Пора, да и лошади утомились, ступая все время то по камнямъ, то по мерзлой почвѣ. Деревня грязная. Видны глинобойныя фанзы, соломенные крыши,—высокія стоящія на землѣ трубы, заборы, заклеенныя бумагой окна и навозъ, навозъ, навозъ. Въ общемъ грустно.

Мы остановились на постояломъ дворѣ подобномъ вышеописанному; для меня сначала отвели какую-то отдѣльную отъ казаковъ каморку, грязную, холодную и неудобную. Скучно было одному, а въ сосѣднемъ помѣщеніи за стѣной,—слышался уже смѣхъ и говоръ собравшейся толпы. Это казаки заводили знакомство съ китайцами. Пойду и я туда: лучше въ тѣснотѣ, да на людяхъ, чѣмъ одному съ мрачной думой.—И я не раскаялся. Было хотя и тѣсно, и грязно, и дымно, но можно было наблюдать нѣчто еще новое, невѣдомое, которое всегда интересно для человѣка и которое живить и ободряетъ его душу.

Рано утромъ передъ солнечнымъ восходомъ я услышалъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Это по объясненію Чанъ-фу „человѣкъ малъ-мало нѣтъ сыпи; ружье стрѣлай—хунгуза пугай“ (ночной караульщикъ, который не спалъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ, чтобы пугать хунгузовъ). „О барыня, добавилъ Чанъ-фу—люди шипко худой, шипко много хунгуза есть; наши люди, шипко боися хунгуза“.

Утро было хорошее: воздухъ чистъ и спокоенъ, и по холодку мы бодро тронулись въ путь. Дорога протекла по небольшой въ нѣсколько квадратныхъ верстъ равнинѣ, покрытой воздѣланными полями. Окружающія эту равнину горы мрачны, каменисты и мѣстами были уже покрыты снѣгомъ. Слѣва тянулся кряжъ, отдѣляющій китайскія владѣнія отъ корейскихъ. Пройдя верстъ пять по долиинѣ, мы снова въѣхали въ ущелье, и здѣсь съ лѣвой стороны, на выступѣ горы, виднѣется какая-то бѣдная лачужка, съ поставленнымъ около нея шестомъ, на которомъ развѣвался какой-то флагъ. Это, какъ мнѣ сказали, корейскій карауль.—Не знаю, такъ ли это,—быть можетъ и такъ. На протяженіи 5—6 верстъ дорога тянется этимъ ущельемъ, которое послѣ этого какъ-то сразу заканчивается отдѣльной отъ прочихъ горъ громадной скалой—и передъ глазами открывается снова огромная равнина, на которой видны деревни, фанзы, деревья, поля. Вотъ впереди—верстахъ въ 3 видна

большая деревня—это Лянъ-Сюй-Чуанъ-цза (въ переводѣ источникъ холодной воды), въѣхавъ въ которую, мы останавливаемся на привалѣ.

Еще не доходя одной версты до деревни, мы услышали въ сторонѣ отъ дороги ружейный выстрѣлъ. Признаюсь, въ первое время я готовъ былъ повѣрить въ существованіе здѣсь какихъ, нибудь злоумышленниковъ, для которыхъ могло быть почему-либо нежелательнымъ наше земное дальнѣйшее существованіе; но, посмотрѣвъ по направленію, откуда послышался выстрѣлъ, я увидѣлъ человѣка, спѣшащаго куда-то, и впереди его вмѣстѣ съ нимъ, туда же спѣшила его, вертящая хвостомъ, бѣленькая собачка. Очевидно, человѣкъ этотъ былъ „злоумышленникъ“—но только не противъ нашихъ жизней, а противъ жизней безчисленнаго множества фазановъ, которые паслись цѣлыми стаями на вспаханныхъ поляхъ, отыскивая на нихъ оставшіяся зерна. Заслышавъ выстрѣлъ, Соболька нашъ остановился, пріосанился и, вертя хвостомъ, взглядывалъ то на насъ, то на выстрѣлившаго человѣка и его собачку и какъ бы спрашивая:—куда ему прикажутъ теперь бѣжать и если только туда, гдѣ стрѣляютъ, то онъ, Соболька, готовъ уже со всѣмъ своимъ собачьимъ усердіемъ исполнить наше приказаніе. Но такъ какъ такого приказанія не послѣдовало, то онъ и принужденъ былъ остаться только при своемъ желаніи, и ограничиться жалобнымъ попискиваніемъ, какъ бы говоря этимъ—на что же это, въ самомъ дѣлѣ, похоже: — тамъ люди стрѣляютъ и фазановъ бьютъ, а они и ухомъ не ведутъ, странные, право, люди.

Въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ мы остановились въ одномъ изъ домовъ, который быстро наполнялся любопытными. Толпа окружила и разсматривала насъ съ жаднымъ любопытствомъ. Между всѣми этими людьми мнѣ бросился въ глаза одинъ какой-то блѣдный, съ горящими черными глазами молодой человѣкъ, одѣтый въ какой-то своеобразный, отличающійся отъ прочихъ костюмъ, который состоялъ изъ тонкаго чернаго халата. Взглядъ его черныхъ и блестящихъ глазъ былъ какой-то какъ бы созерцательный, и казалось, что онъ, глядя на васъ,—не видитъ васъ, а смотритъ куда-то далеко—далеко, какъ бы что-то улавливая. Онъ долго и неподвижно смотрѣлъ на меня такимъ образомъ и вдругъ почему то подошелъ къ стоящему тутъ же столику и, взявъ небольшой клочекъ лежащей на немъ китайской бумаги, началъ водить по ней кистью, обмакнувъ таковую предварительно въ растертую тушъ. Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ съ этимъ листомъ и подалъ его мнѣ въ руки. На листкѣ ока-

залось довольно не дурно изображенная физиономія какого-то китаецъ съ косою, съ раскосыми глазами и съ добродушной улыбкой. Сдѣлавъ все это и не ожидая моего приговора, молодой человекъ протѣснился сквозь толпу и исчезъ; больше я его и не видалъ. Чанъ-фу,—на вопросъ—что это должно обозначать, заявилъ мнѣ, что „эта человекъ—малъ-мало голова худой“.—Быть можетъ это было и такъ, но онъ мнѣ почему-то показался какимъ-то созерцателемъ, какимъ-то, какъ говорится, человекомъ „не отъ міра сего“ и почему знать, быть можетъ это былъ какой-нибудь геній, которому не суждено было высказаться.

Былъ тутъ въ толпѣ и другой „экземпляръ“, при взглядѣ на котораго никакъ уже нельзя было заподозрить въ немъ присутствіе какой-либо геніальности. Экземпляръ этотъ былъ очень высокъ ростомъ, худъ и съ огромнымъ выдающимся впередъ животомъ. Животъ этотъ обрисовывался у него съ особенной ясностью, благодаря тому обстоятельству, что этотъ незнакомецъ кромѣ одной грязной рубахи, свѣшивающейся почти до самыхъ пятъ, ничего не имѣлъ на своемъ брентомъ тѣлѣ и, принимая во вниманіе стоящій на дворѣ морозъ, можно было придти къ заключенію, что онъ или философъ діогеновской школы, или же по-просту юродивый, и такъ какъ физиономія его къ тому же не говорила въ пользу его философскаго склада мышленія, то, по всей вѣроятности, второй изъ этихъ выводовъ и надлежитъ считать наиболѣе въ данномъ случаѣ вѣроятнымъ.

Этотъ „долговязый экземпляръ“ совместно съ прочими людьми, составлявшими окружавшую насъ толпу, былъ повидимому очень заинтересованъ нашимъ появленіемъ и свою любознательность онъ выражалъ тѣмъ, что нѣсколько разъ выходилъ изъ толпы, останавливался противъ меня и начиналъ туго меня осматривать; — потомъ онъ издавалъ какое-то дикое мычаніе и исчезалъ въ толпѣ, а потомъ снова появлялся,—опять смотрѣлъ, опять мычалъ и исчезалъ и т. д.

Толпа, повидимому, не хотѣла его пускать, но онъ тогда протестовалъ довольно громкимъ и дикимъ крикомъ и все же лѣзъ впередъ, безцеремонно расталкивая стоящихъ людей. У этого, по выраженію Чанъ-фу: голова была уже не малъ-мало худой, а „шипко худой, башка“. Повидимому, это былъ безвредный сумасшедшій, къ которому всѣ уже привыкли и перестали обращать на него вниманіе.

Вскорѣ окружающая насъ толпа зашевелилась и, разступив-

шись, дала дорогу какому-то необыкновенно высокому и должно быть сильному человѣку, на головѣ котораго была надѣта громадная мѣховая шапка, съ отвороченными наушниками, и эта шапка придавала его фигурѣ еще болѣе внушительный видъ.— Человѣкъ этотъ, поздоровавшись со мною, сѣлъ тутъ же на нарахъ и сейчасъ же началъ что-то говорить. Онъ повидимому былъ еще молодъ, лѣтъ такъ 30—35; — все лицо его было изрыто оспой и принадлежало къ категоріи тѣхъ лицъ, на которыхъ черти забавлялись игрою въ свайку. вмѣстѣ съ тѣмъ лицо это было не безобразное, и мнѣ оно показалось даже очень симпатичнымъ и главнымъ образомъ потому, что было снабжено парюю умныхъ и добрыхъ глазъ, а также и ртомъ, который складывался чисто въ добродушную улыбку. По всему было видно, что этотъ человѣкъ рѣдко когда скучалъ и всегда и при всякихъ обстоятельствахъ умѣлъ сохранить въ себѣ веселость и хорошее расположеніе духа. (Драгоцѣнная черта характера и счастливы тѣ, кто ею обладаетъ). Онъ держалъ себя совершенно непринужденно, видимо этимъ не бравируя, а дѣлая это естественно. Казалось,—что если бы онъ разговаривалъ съ какимъ-нибудь китайскимъ Дзянь-дзюнемъ, а быть можетъ и съ самимъ китайскимъ богдыханомъ, — то разговаривалъ бы съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, нисколько не умаляя передъ этими сильными міра сего своего человѣческаго достоинства. Впрочемъ, быть можетъ, заключеніе это и слишкомъ скороспѣлое, такъ какъ каждому вѣроятно нерѣдко приходилось встрѣчать въ жизни такихъ людей, про которыхъ какъ-то невольно подумаешь: ну, этотъ человѣкъ никогда и ни передъ кѣмъ не спасуетъ и никогда не уронитъ своего человѣческаго достоинства.—И что же! не только при разговорѣ съ высокопоставленными людьми, но даже съ простыми смертными, стоящими ступени на двѣ выше, человѣкъ этотъ начиналъ лебезить, сюсюкать и всячески извиваться, такъ что посмотришь на него и подумаешь: однако, братъ, и гусь же ты порядочный, а я-то думалъ и т. д. Быть можетъ, и пришедшій великанъ принадлежалъ къ породѣ такихъ „гусей“;—не знаю, но только первое впечатлѣніе на меня онъ произвелъ очень хорошее, какое производитъ всякій простой безхитростный человѣкъ. Онъ съ первыхъ же словъ разговора, видимо, нисколько не удивился тому обстоятельству, что я — русскій офицеръ и странствую теперь по ихъ землѣ. Онъ даже не поинтересовался узнать — зачѣмъ я собственно ѣду въ Гирицъ, да и извѣстіе-то объ этомъ какъ-то пропустилъ мимо ушей, какъ будто бы и не

стоило даже говорить объ этомъ. Идетъ, молъ, человекъ, значитъ, ему нужно идти, а зачѣмъ идетъ, — да не все ли это, молъ, равно. Онъ оживленно началъ рассказывать мнѣ про то, что служить въ Хунгунѣ (онъ былъ офицеръ, какъ это оказалось) и что оттуда его съ отрядомъ солдатъ послали сюда, — въ эту деревню, дабы охранять жителей отъ хунгузовъ, которые въ послѣднее время начали появляться большими шайками и грабятъ не только отдѣльныя фанзы, но и деревни. Про ходъ военныхъ дѣйствій онъ не могъ рѣшительно мнѣ ничего сообщить, не зная даже — гдѣ въ настоящее время воюютъ и какъ воюютъ. Воюютъ, ну, и пусть ихъ воюютъ, коли имъ это правится, — такъ, надо думать, рассуждалъ онъ. Толпа, при его появленіи, почти вся исчезла; осталось только нѣсколько человекъ и между ними „человекъ съ большимъ животомъ“. Онъ все время пребывалъ около двери, стоя, какъ солдатъ, на вытяжку, опустивъ руки по швамъ и сохраняя на своемъ лицѣ какое-то важное и сосредоточенное выраженіе. Быть можетъ, онъ воображалъ себя въ это время какимъ-нибудь стражемъ, охраняющимъ входъ во дворецъ самого богдыхана. Мало ли чего иной разъ не воображаетъ даже и здоровая человѣческая голова, про больную же и говорить нечего. Нѣтъ предѣла ея фантазій. — Вскорѣ по приходѣ этого офицера пожаловалъ и другой, — на видъ уже совсѣмъ старикашка, — маленькій, худенькій, желтенькій и сгорбленный. Надо думать, что онъ изображалъ собою нѣчто подобное нашему ротному командиру, при чемъ высокій весельчакъ былъ у него въ подчиненіи и былъ весьма вѣроятно у него въ качествѣ субалтернъ-офицера. Чанъ-фу, указывая на старичка, заявилъ, что „она малъ-мало сто солдата начальникъ“, а она (указывая на высокаго) „50 солдата начальникъ“. Изъ этого я и вывелъ вышеозначенныя заключенія, которыя, быть можетъ, хоть отчасти подходятъ къ истинѣ.

Старичекъ этотъ, какъ болѣе умудренный и искусившійся на жизненномъ поприщѣ, — сразу началъ высказывать свою подозрительность и недовѣріе. Началъ онъ съ того, что оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, какъ-то особенно подозрительно и тяжело — и затѣмъ, пожевавъ губами, какъ это всегда дѣлаютъ подозрительные старики, — спросилъ — не японецъ ли я. — И узнавъ, что я русскій и ѣду въ Гиринъ, онъ снова началъ жевать, взглядывая на меня съ меньшей подозрительностью и ворча что-то себѣ подъ-носъ. — „Она говоли, — перевелъ мнѣ Чанъ-фу воркотню старика, — зачѣмъ люски человекъ китайски земля ходи, — люски — японска помогай; — люски человекъ ки-

тайски земля нѣтъ ходи“ (зачѣмъ русскіе люди ходятъ по китайской землѣ, русскіе помогаютъ японцамъ и имъ незачѣмъ ходить по китайской землѣ). На сколько было возможно, я конечно старался убѣдить этого подозрительнаго старика, который въ общемъ сильно походитъ на Плюшкина, въ томъ, что его подозрѣнія ложны и совершенно не основательны, но онъ мнѣ не повѣрилъ и, прощаясь съ нами, онъ продолжалъ такъ же подозрительно жевать своими тонкими губами, мысленно посылая намъ, вѣроятно, недобрыя пожеланія на дорогу.

Былъ уже первый часъ, когда мы тронулись въ дальнѣйшій путь. До ночлега, по словамъ сопровождавшихъ насъ китайскихъ солдатъ, оставалось еще не менѣе 30 верстъ (60 ли. У китайцевъ дорожною мѣрою служитъ „ли“, при чемъ 1 ли равняется почти нашей полуверстѣ). Надо было торопиться, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло перевалить довольно трудно доступный и лѣсистый хребетъ Гао-Линъ.

За околицей деревни,—въ сторонѣ отъ дороги, видѣлись группы людей, которые что-то работали на вспаханномъ полѣ. Завидѣвъ насъ, они всѣ побросали свою работу и бѣгомъ бросились къ дорогѣ, чтобы посмотреть на насъ, когда мы будемъ проѣзжать. Любопытство и здѣсь превозмогло, и эти люди чуть ли не съ разинутыми ртами глазѣли на насъ,—когда мы проходили мимо нихъ. Въ сторонѣ отъ дороги—иной разъ почти въ непосредственномъ съ нею сосѣдствѣ, а иной разъ шагахъ въ 50—во 100 отъ нея видѣлись какіе-то громадныя массивныя ящики. Это были гробы, въ которыхъ почивали вѣчнымъ сномъ покончившіе свой земной путь странники. Было холодно и потому эти гробы и не распространяли отъ себя никакого зловонія, но, говорятъ, лѣтомъ проѣзжать мимо нихъ не совсѣмъ пріятно и часто приходится зажимать носъ, дабы не чувствовать черезчуръ уже сильнаго „аромата“. Китайцы хоронятъ своихъ покойниковъ, не предавая ихъ землѣ. Конечно, мы не можемъ сказать—существуетъ ли подобный обычай во всемъ Китаѣ, или же онъ примѣняется только въ Маньчжуріи, гдѣ около каждой деревни и даже около отдѣльныхъ фанзъ можно видѣть эти массивныя ящики, иной разъ полуразвалившіеся отъ ветхости. Эти ящики дѣлаются изъ очень толстыхъ деревянныхъ пластинъ, имѣющихъ въ толщину до трехъ вершковъ. Сколачиваются это пластины по большей части деревянными нагелями, и затѣмъ на получившійся такимъ образомъ ящикъ наколачивается такими же нагелями толстая и массивная крышка. Такая чрезмѣрная массивность гробамъ придается съ тою цѣлью,

чтобы предохранить заключенные въ нихъ трупы отъ растерзанія собаками и волками, которыхъ въ этой странѣ не мало. Для и койника быть можетъ и пріятно прохладяться на свѣжемъ воздухѣ въ толстомъ и прочномъ гробѣ, и въ этомъ отношеніи китайскіе покойники находятся въ нѣсколько лучшемъ положеніи, нежели наши, опускаемые въ глубокія и сырыя могилы мертвецы, которымъ и въ гробу тѣсно и темно, да и сверху давить тяжелый и толстый пластъ земли, но зато для живыхъ людей столь близкое общеніе съ покойниками должно бы быть не совсѣмъ пріятнымъ, и если оно на самомъ дѣлѣ имѣетъ примѣненіе, то его, кажется, слѣдуетъ объяснить такъ распространеннымъ среди китайцевъ культомъ поклоненія предкамъ—и если китаецъ, живущій въ Маньчжуріи, почему-либо принужденъ будетъ покинуть эту страну и вернуться на свою родную землю—куда-нибудь въ Шань-Дунъ, или въ Сычуань, то онъ ни за что не броситъ костей своихъ умершихъ родственниковъ, а, вынувъ ихъ изъ гробовъ, заберетъ съ собою на свою родную землю.

Проѣхавъ верстахъ въ двухъ отъ деревни черезъ очень каменистое русло рѣки, мы поднялись на довольно значительную возвышенность, съ вершины которой открывался видъ на печальную, имѣющую около 4—5 верстъ въ ширину долину съ пріютившимися на ней 3—4 отдѣльными фанзами. За этой долиной былъ виденъ покрытый лѣсомъ горный хребетъ. Это и былъ Гао-Линъ, подъемъ на который длиненъ и труденъ, въ силу того, что дорога усѣяна камнями, которыхъ очевидно никто не желаетъ убирать; вѣроятно ждуть того, чтобы сами они убрались съ дороги. Долго взбирались мы на Гао-Линъ; дорога почти все время шла по крутому лѣсистому склону горъ вдоль оврага, на днѣ котораго булькалъ ручеекъ, вѣроятно, въ большую воду превращающійся въ бурный горный потокъ. Къ солнечному закату мы были на вершинѣ перевала и здѣсь остановились передохнуть около громадной кучи мелкихъ камней, неизвѣстно кѣмъ и для чего сложенной. Какъ потомъ пришлось убѣдиться, на каждомъ перевалѣ китайцы набрасываютъ камни въ видѣ аккуратно сложеннаго конуса. Это жертвенники, у которыхъ путники останавливаются и молятся. На многихъ перевалахъ построены даже кумирни со скульптурными изображеніями разныхъ боговъ.

По ту сторону снова громоздились синѣющими силуэтами горы, и между ними видѣлась одна очень красивая гора съ совершенно плоской и какъ бы срѣзанной вершиной.

До ночлега еще оставалось около 10 верстъ и когда мы спустились къ подножью Гао-Лина, то мракъ уже почти вполнѣ покрылъ землю и мы двигались позади китайскихъ солдатъ, не видя, что находится впереди и по сторонамъ. Помню, что перевалили еще разъ черезъ небольшую возвышенность прошли черезъ какое-то замерзшее кочковатое болото и усталые и голодные подошли наконецъ къ воротамъ одинокой фанзы, въ которой заночевали. Фанза была биткомъ набита народомъ. Это были по преимуществу грузовые возчики и ихъ тяжело, нагруженные арбы заняли собою почти всю внутренность двора. Всѣ эти люди, повидимому, были утомлены не меньше нашего, и потому они смотрѣли на насъ довольно холодно и равнодушно. Нѣкоторые изъ нихъ лежали уже на нарахъ и накрывшись своими шубами храпѣли на разные лады; нѣкоторые докуривали свои трубки, и человекъ 5 сидѣли у пылающаго костра, который они развели тутъ же въ фанзѣ въ стоящемъ по срединѣ каменномъ очагѣ, вся внутренность фанзы была наполнена ѣдкимъ дымомъ. Эти люди кейфовали около огня: они сняли съ себя рубахи и, грѣясь на огнѣ, долго растирали свои мускулистыя и сильныя руки, поворачиваясь къ огню разными сторонами тѣла;—потомъ они начали что-то искать въ своихъ рубахахъ,—что-то такое находили и, безпрестанно поднося рубахи къ губамъ, они зубами кусали то, что находили, при чемъ безпрестанно слышался характерный трескъ. По всему было видно, что они артистически выполняли то, что дѣлали, и въ искусствѣ „казни“ превзошли того самаго ночного сторожа, который, по словамъ одного нашего писателя, стоя на своемъ посту отъ скуки полѣзъ къ себѣ за воротникъ, поймалъ тамъ какого-то звѣря и казнилъ его лютой казнью на собственномъ ногтѣ. Они долго продолжали свой кейфъ, безпрестанно пощелкивая зубами и ведя между собою какую-то тихую, дѣловую бесѣду. Освѣщенные красноватымъ свѣтомъ догорающаго костра, они со своими обнаженными мускулистыми торсами походили на какихъ-то бандитовъ, совѣщающихся о какихъ-нибудь отважныхъ предпріятіяхъ. Я долго не спалъ и все смотрѣлъ на этихъ людей, и порою мнѣ начинало казаться, что они какъ будто-бы что-то дѣйствительно противъ насъ замышляютъ. Они изрѣдка и какъ бы подозрительно касались въ нашу сторону, и казалось, что старались нарочно говорить такъ, чтобы ихъ никто не могъ слышать. Казаки мои, покончивъ свои дѣла, храпѣли, какъ у себя дома, а Чанъ-фу, не смотря на усталость, долго ворочался съ боку на бокъ, повторяя:

„О Господи!—худо народъ есть“, и этимъ еще больше настраи-валъ мою подозрительность по отношенію этихъ людей,—подозрительность, которая вѣроятно не имѣла бы мѣста,—не будь этого красноватаго отблеска, мерцающаго среди мрака, не будь этого разнообразнаго храпа, несущагося изъ всѣхъ угловъ фанзы, и этого пропитаннаго дымомъ, копотью и разными міазмами спертаго воздуха. Наконецъ усталость взяла свое, и эти люди, и костеръ, и мракъ, и храпъ—все это для меня перестало существовать. Китайскій унтеръ былъ очень утомленъ, а потому онъ сегодня, какъ только основался на своемъ мѣстѣ,—тотчасъ же и уснулъ и никакихъ разглагольствованій съ его стороны не послѣдовало.

На слѣдующій день утро было морозное и ясное. Всюду лежалъ иней, искрящійся на первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Воздухъ былъ чистъ и совершенно неподвиженъ, и наши лошади бодро прокатили по замерзшей дорогѣ. Свѣжесть и прозрачность воздуха дѣйствовала на всѣхъ насъ ободряюще и настраивала мысли на веселый ладъ. Китайскіе солдаты пересмѣивались другъ съ другомъ, и даже суровый унтеръ какъ бы сбросилъ обычный мракъ со своего лица. Да и дѣйствительно хорошо было въ полѣ:—всюду свѣтъ, чистота и прозрачность и главное просторъ—просторъ—безъ конца. Фазаны цѣлыми стаями взлетали изъ покрытой инеемъ травы и, полетавъ немного, снова опускались на землю гдѣ-либо въ сторонѣ отъ дороги—въ болѣе дальнемъ отъ нея сосѣдствѣ; но нѣкоторые изъ нихъ высказывали болѣе довѣрчивости къ людямъ и, сидя шагахъ въ 50—100 въ сторонѣ, проводили насъ, испуганно поворачивая за нами головы и прижимаясь къ землѣ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ они выказывали больше свою лѣнь и неподвижность, нежели довѣрчивость къ людямъ, такъ какъ довѣрчивость въ чистомъ такъ сказать видѣ и въ полномъ значеніи этого слова, едва-ли когда-нибудь существовала и существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ всего живого на землѣ и всегда она смѣшана съ какой-нибудь низостью и пошлостью.

Соболька все время выходилъ изъ себя и надрывался, стараясь поймать фазана. Иной разъ ему дѣйствительно удавалось подкрасться къ фазану на такое разстояніе, что оставалось сдѣлать только прыжокъ, чтобы схватить птицу, которая обыкновенно въ такихъ случаяхъ отлично видѣла его продѣлку и съ своей стороны приготавливалась, чтобы принять всѣ мѣры къ послѣшнему бѣгству—именно тогда, когда это потребуется. И дѣйствительно: Соболька съ разинутой уже пастью дѣлалъ

этотъ отчаянный и послѣдній натискъ на врага, но именно въ это время послѣдній-то и обращался въ бѣгство, и тутъ-то начиналась скачка съ препятствіями черезъ камни, кусты и канавы, — скачка, сопровождаемая лаемъ, визгомъ и прочими признаками безсильнаго бѣшенства, и дѣло кончалось тѣмъ, что фазанъ, наглумившись въ волю надъ своимъ четвероногимъ врагомъ, сѣлся на какой-нибудь высокій кустъ, а Соболя съ высунутымъ на четверть аршина влажнымъ и краснымъ языкомъ и съ виноватымъ видомъ возвращался къ намъ. Что, братъ, не будешь больше, смѣялись казаки надъ неудачею добродушнаго пса, но онъ, отдохнувъ немного, снова пускался на охоту, и снова попытка его кончалась такъ же неудачно.

Множество дичи соблазнило одного изъ китайскихъ солдатъ, и онъ, передавъ свою лошадь товарищу и зарядивъ свой винчестеръ, началъ стрѣлять по живой цѣли.—Долго и часто онъ палилъ; то и дѣло воздухъ оглашался рѣзкимъ звукомъ выстрѣла, послѣ котораго слышно было, какъ сверлила выпущенная въ пространство пуля.—Въ небо, однако, палить, парень, говорили казаки, подсмѣиваясь надъ неудачею китайскаго воина. Они къ этому дѣлу, должно, не обычны. И дѣйствительно: сколько онъ ни палилъ, ни одинъ фазанъ не лишился отъ этого своей жизни.

— Ваше Высокоблагородіе! послышался позади голосъ Дементьева:—дозвольте мнѣ фазана стрѣлить.—Разрѣшеніе было дано, и Дементьевъ, передавъ лошадь товарищу, выбралъ себѣ сидящаго шагахъ въ 100 отъ дороги фазана и нацѣлился въ него.—Смотри, Дементьевъ, однако, не подгадь, говорили ему другіе казаки; ты съ колѣна-то — съ колѣна стрѣли: ловчѣй, однако, будетъ, совѣтывали ему, но Дементьевъ цѣлилъ стоя. Я также мысленно посылалъ Дементьеву пожеланія попасть въ цѣль:—Хотѣлось, чтобы китайскіе солдаты посмотрѣли бы — какъ умѣютъ стрѣлять русскіе казаки; я видѣлъ, что китайцы дѣйствительно были заинтересованы этимъ и, остановившись, они внимательно смотрѣли и ожидали, что будетъ. Скорѣй стрѣли!—скорѣй!—говорили отъ нетерпѣнія казаки:—ввайдетъ фазанъ-то... Выстрѣлъ раздался. Пуля взрыла землю около самаго фазана и, пронзивъ его, уложила на мѣстѣ. Казаки были въ восторгѣ; ихъ собратъ не ударилъ лицомъ въ грязь.—Китайцы также одобряли, говоря: шанго, шанго—уля и при этомъ выставляли большіе пальцы правыхъ рукъ въ знакъ выраженія особой похвалы. Чанъ-фу сіялъ отъ восторга: теперь навѣрно китайскіе солдаты будутъ относиться къ нему съ боль-

шимъ уваженіемъ, такъ какъ они убѣдились, съ какими людьми онъ, Чанъ-фу, водить компанію. Навѣрно, подобное соображеніе и привело Чанъ-фу въ восторгъ, и онъ сталъ насъ увѣрять, что русскій казакъ „шибко холоса уцъни, и китайскій казакъ шибко худой и ничего не понимаесть“. Цѣлый часъ не прошло послѣ этого общее оживленіе. Много ли, въ самомъ дѣлѣ, нужно человѣку для того, чтобы заставить его радоваться, или привести его въ печаль.—И въ радости и въ печали человѣкъ одинаково жалокъ.

Вскорѣ веселая и разухабистая русская пѣсня оглашала окрестности и всѣмъ было какъ-то легко и радостно.

Мы спускались по склону пологой возвышенности, покрытой рѣдкимъ кустарникомъ.—Я залюбовался чудной панорамой впереди. Не хотѣлось вѣрить, что находимся въ какой-то мало кому извѣстной Маньчжуріи; все казалось, что странствуемъ или по Кавказу, гдѣ на каждомъ шагу — природа—чудно хороша, или же гдѣ-нибудь въ предгорьяхъ Альпъ, гдѣ, по словамъ бывавшихъ тамъ людей, природа такъ прекрасна, что просто глазъ отъ нея не хочется оторвать. Здѣсь, я убѣжденъ въ этомъ, она была не менѣе прекрасна, потому что она, кажется, дала все, что только могла дать для того, чтобы открывающіяся передъ взоромъ горныя панорамы ласкали его мягкостью, нѣжностью и воздушностью своихъ тоновъ. Чудныя дѣйствительно мѣста! Будь только здѣсь климатъ не столь суровъ,—они бы были еще лучше для живущихъ здѣсь людей. Залюбовавшись такимъ образомъ открывшимся съ возвышенности видомъ, я былъ выведенъ изъ созерцательнаго настроенія возгласомъ Кавалиста: Ребята! китаецъ-то нашего нѣтъ!

Оглянувшись назадъ, я дѣйствительно убѣдился въ томъ, что Чанъ-фу отсутствовалъ. Первая мысль была та, что онъ просто сбѣжалъ отъ насъ, прихвативъ съ собою и лошадь. То же самое подтверждали и казаки, высказывая свои предположенія.

Сбѣжалъ парнишко-то, однако.

Такъ и есть, надо полагать, что сбѣжалъ.

И ловокъ же—ой, ой—и какъ это намъ-то никому не въ примѣту было.

Коня-то — увелъ. Ты вотъ, что, парень, посуди. — Нужно было дѣйствовать. Я остановилъ казаковъ и послалъ Замблаева и Кавалиста назадъ поискать бѣглеца. Они хлопнули нагайками по своимъ лошадямъ и скорѣе исчезли за кустами. Китайскіе солдаты, не останавливаясь, продолжали свой путь,

спѣша въ находящуюся не въ далекой фанзу, гдѣ необходимо было остановиться на привалѣ.

Прошло 10—15 минутъ въ томительномъ ожиданіи. Оставшіеся казаки стояли молчаливые и угрюмые. Ихъ веселость—какъ рукой сняло. Они чувствовали себя виноватыми и сконфуженными за то, что вшестеромъ не могли досмотрѣть за однимъ человѣкомъ. Понимая причину ихъ удрученія, я и не счелъ нужнымъ имъ выговаривать, да и что выговаривать, все равно, этимъ дѣло не поправишь, соображалъ я.

Всѣ мы ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія посланныхъ на розыски казаковъ.

— Однако,—ѣдутъ—послышалось замѣчаніе.

— И парнишка съ ними.

— Поймали стало быть.

— За косу бы его оттащить,—чтобъ не бѣгалъ впередъ.

— А ты и оттащи.

— И впрямь оттащу.

Но оказалось, къ общему благополучію, что виновныхъ въ данномъ случаѣ не было. Казаки сообщили, что нашли Чанъ-фу въ сторонѣ отъ дороги въ кустахъ, а онъ подтвердилъ это, сказавъ: „моя шибко животъ боли;—моя малъ-мало земля сидѣ“. Все дѣло въ концѣ концовъ кончилось только смѣхомъ, и мы, продолжая нашъ путь, подѣхали вскорѣ къ фанзѣ, въ которой и остановились на привалѣ. Въ этой фанзѣ стоялъ небольшой отрядъ для защиты окрестныхъ обывателей отъ хунгузовъ. Къ намъ не замедлилъ пожаловать начальникъ этого отряда. Онъ представлялъ собою совершенную копию со старичка ротнаго командира въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ и разница между ними заключалась только въ томъ, что тотъ былъ похожъ на Плюшкина,—этотъ же, напоминая собою Плюшкина, вмѣстѣ съ симъ ужасно походилъ и на хищную птицу, при чемъ это сходство увеличивалось еще тѣмъ, что его тонкіе, цѣпкіе и покрытые желтымъ „пергаментомъ“ пальцы были вооружены огромными загнутыми вовнутрь ногтями, что и придавало имъ сходство съ птичьей лапой, вооруженной острыми и крѣпкими когтями.

Вопросы, которые онъ мнѣ задавалъ, были совершенно тѣ же самыя, что и въ Лянъ-Сюй-Чуанъ-цзѣ: онъ такъ же недовѣрчиво и тяжело обмѣривалъ меня своимъ взглядомъ, — также жевалъ своими тонкими прорѣзанными извилистой ниточкой губами и въ общемъ своими разговорами и своимъ тупымъ упорствомъ и нежеланіемъ вѣрить тому, въ чемъ я его старался убѣдить, онъ навелъ на меня тяжелую грусть.

Тутъ же въ фанзѣ работалъ какой-то молодой человѣкъ, по облику совершенно не похожій на китайца. Онъ работалъ коробъ для китайской орды и, постукивая топоромъ, все время чутко прислушивался къ нашему разговору.—Мнѣ почему-то онъ показался подозрительнымъ и быть можетъ это былъ и не китаецъ, а какой-нибудь иностранецъ, бѣжавшій изъ своей страны отъ преслѣдованія закона. На мои попытки заговорить съ нимъ онъ отвѣчалъ кратко и лаконически: „бутунда“ (не понимаю) и продолжалъ постукивать обухомъ своего топора объ долото, пробивая имъ гнѣздо для шина. — На вопросы Чанъ-фу онъ даже и не обращалъ никакого вниманія и оставлялъ ихъ совершенно безъ всякаго отвѣта.

Покормивъ лошадей, мы тронулись дальше. Дорога пролегла по долинѣ, имѣющей 10 верстъ въ длину. Тамъ и сямъ въ сторонѣ видѣлись фанзы и поля. Впереди насъ, одѣтый въ новую сивую куртку, гарцевалъ на прекрасной сытой лошади какой-то молодой человѣкъ, съ необыкновенно длинной и толстой косою. По словамъ Чанъ-фу это было „старсыникъ“ (старшина—вѣроятно, что-нибудь въ родѣ нашего волостного старшины). Откуда взялся этотъ „старсыникъ“, положительно я не могъ понять; онъ какъ-то сразу выросъ впереди насъ вмѣстѣ со своею лошадыю, на которой и носился въ карьеръ отъ фанзы къ фанзѣ, при чемъ хвостъ его лошади стлался по воздуху трубой, а его собственная коса развѣвалась на подобіе ползущей по песку змѣи. Я сначала никакъ не могъ понять — къ чему собственно человѣкъ этотъ проявлялъ такъ много прыти, но Чанъ-фу вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ: „она малъ-мало фанза ходи люди зови—смотрели кака люскя казака ходи“ (оповѣщалъ жителей чтобы посмотрѣли на русскихъ казаковъ) и дѣйствительно: около каждой придорожной фанзы толпились мужчины, женщины и дѣти и смотрѣли на насъ съ добродушнымъ изумленіемъ. Такъ провожаемые любопытными взорами окрестныхъ поселянъ, мы добрались до конца этой долины, и здѣсь скакавшій въ карьеръ „старсыникъ“ куда-то исчезъ. На сей разъ онъ какъ будто бы сквозь землю провалился. Переправившись четыре раза въ бродъ черезъ быструю и каменистую рѣчку Гая-хе, мы уже совсѣмъ въ сумеркахъ подъѣхали къ маленькой и бѣдной фанзѣ и здѣсь остановились на ночлегъ. Фанза стояла особнякомъ и обитателей ея составляли уже пожилой хозяинъ, его жена въ возрастѣ уже преклонномъ и двое дѣтей, при чемъ одинъ былъ еще совсѣмъ маленькій, неумѣющій даже ходить. Этотъ карапузъ безпрестанно пицалъ

и все время звалъ свою мать, выговаривая совершенно чисто: „мама, мама“. Странно какъ-то было слышать это слово изъ устъ китайскаго младенца, но, насколько извѣстно, корень этого слова почти на всѣхъ языкахъ общій, что вѣроятно и можетъ служить признакомъ общности различныхъ народностей, которыя быть можетъ всѣ происходятъ отъ какого-нибудь общаго родоначальника. Хозяева фанзы были очень бѣдны;— всюду была ужаснѣйшая грязь и нищета, а живописные лохмотья и заплаты на одеждахъ этихъ бѣдныхъ людей показывали, что они ведутъ тяжелую борьбу за свое существованіе. Несмотря на всю неприглядность обстановки, я былъ очень доволенъ, что удалось остановиться въ этой одинокой фанзѣ и избавиться хотя на время отъ назойливаго любопытства толпы. Такъ какъ наши лошади были достаточно уже утомлены труднымъ походомъ, да и сами-то мы уже пристали, необходимо было навести нѣкоторый порядокъ въ нашей одеждѣ и снаряженіи, то я и рѣшилъ передневать тутъ съ тѣмъ, чтобы хорошо отдохнуть и набраться силъ для дальнѣйшаго похода.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

